

**Противостояние двух сознаний на примере религиозной карикатуры
журнала Шарли Эбдо
У. В. Смирнова**

МГЛУ

Аннотация. Карикатуры журнала Шарли Эбдо на религиозную тему не перестают вызывать широкий общественный резонанс. Цель статьи сформулировать когнитивные принципы создания карикатуры авторами Шарли Эбдо и принципы интерпретации ее теми, кто исповедует определенные религиозные взгляды. Предлагается рассмотрение этой проблемы с точки зрения дихотомии «воспитание перцепции версус сопротивление разрушению знака». В соответствии с нашей гипотезой создатели карикатур, являясь наследниками карнавальной традиции европейской культуры, представителями интеллектуальной элиты Франции, ставят цель формировать альтернативные точки зрения на объект. Те, кто сопротивляется этому, противятся не европейской системе ценностей, не свободе слова, но разрушению устойчивой для них конфигурации знака, лежащей в основе их когниции. Для анализа привлекаются методы разных областей лингвистики – литературоведения, семиотики, когнитивной науки.

Ключевые слова: когнитивное религиоведение, принцип систематичности, Шарли Эбдо, карикатура, остраннение, символ, хэштэг «JesuisCharlie»

**The confrontation of mindsets as illustrated by the religious caricature in the
magazine " Charlie Hebdo"
U. V. Smirnova**

MSLU

Abstract. Charlie Hebdo's religious caricatures have caused much controversies, with views divided between those defending "Art" and those not willing to accept the new contexts of interpretation. Although there seems to be an unresolvable difference of opinion, the problem could be approached if we accept that different cognitive principles of interpretation underlie these views. The dichotomy "teaching perception versus resisting the destruction of an entity of a religious sign" might help to shed light on the cognitive mechanisms driving each of the groups. My hypothesis is that the cartoonists who, have inherited the legacy of carnival tradition in European culture, aim to form alternative views of the subject. Contrary to the widely held belief that those who oppose artistic creation in the form of religious caricatures fight the European set of values and freedom of speech, they actually struggle to preserve a stable configuration of sign on which their cognition is based. Semiotics, Literary Criticism and Cognitive Science provide the tools for analysis of practical examples.

Key words: Cognitive Science of Religion, systematicity principle, Charlie Hebdo, caricature, ostranenie, symbol, hashtag "JesuisCharlie"

Введение

Начиная с первой публикации в Дании 30 сентября 2005 года, и особенно после трагедии во Франции 7 января 2015 года, когда были убиты главный редактор и ведущие карикатуристы журнала Шарли Эбдо, в европейском мире считается общепринятым рассмотрение карикатуры на пророка Мухаммеда в контексте борьбы между свободой слова

и иррациональным страхом перед силой искусства («the Fear of Art»). Тем не менее восприятие реакции тех, кто сопротивляется подобным карикатурам, как иррациональной стоит подвергнуть сомнению. Скорее наоборот, высокая степень стереотипизации представлений о мусульманах (например, Issa 2016, Toor 2016), а следовательно, отсутствие рационального анализа их высказываний и действий, влечет за собой ряд серьезных проблем.

Действия террористов, использующих религиозные верования как прагматичный инструмент продвижения и развития своих взглядов (Szocik 2016b), нельзя признать иррациональными. Но горизонт интенциональности, рассматривающий их как монстров и религиозных фанатиков, неизбежно проецируется на более широкую группу людей, вокализирующих невозможность принять карикатуру на сакральную религиозную фигуру. Об этом ярко свидетельствует следующая цитата: «That's why Georges had this worry, because we are confronted by people it's impossible to have a rational conversation with. They are monsters. They are taught to kill for religion but we know that it's not about religion. They just want to kill everyone who doesn't think like they do – that's what they want» (<http://www.bbc.com/news/magazine-31768869>). Неприятие карикатуры рассматривается с точки зрения неспособности и нежелания допустить наличие иного взгляда на объект, т.е. противодействия свободе взглядов и мнений, которые приняты в европейском мире. Но та же самая цитата является свидетельством того, что при абсолютизации ценности свободы высказывания, сопряженной с демонизацией определенной группы людей, даже возможность диалога становится призрачной ("the focus on defending freedom of expression at all costs as opposed to a dialogic (or fraternal) freedom of expression", Kiwan 2016: 242).

С семиотической точки зрения мы наблюдаем два несовместимых вектора ведения дискурса: один исходит из многообразия точек зрения и подразумевает бесконечность интерпретаций, которые рождаются как скольжение по поверхности дискурса, второй требует полагание единственности истины (Есо 1990). Правда, необходимо признать, что к истине можно идти двумя путями: отрицанием иных кроме единственно правильной интерпретанты (Калиф в Александрии, который сжег библиотеку) и с помощью спора, согласования интерпретант.

Если рассматривать законы семиотики дискурса как разные когнитивные подходы к миру, то следует вспомнить о фукольдианских состояниях знака, определяющих законы восприятия бытия субъектом: (1) знак как подобие вещи, (2) знак, связанный с вещью через представление, и (3) знак, подлежащий обмену и определяемый через череду других знаков (Фуко 1994). Первая из выделенных конфигураций знака, в которой означающее и означаемое в знаке сливаются, соотносится с сознанием субъекта, исповедующего религиозные взгляды. Знак раскрывает вещь, находясь с ней в исконном родстве. Более того, мы ведем речь о имени бога, которое "составляет реальную часть его сущности и его воздействия" и "обозначает силовое поле, в котором бог существует и действует" (Кассирер 2011: 55). В то же самое время для создателя карикатуры знак – это способ показать его личный способ видения и восприятия вещи, что подразумевает широкий потенциал обмена знака на некую цепочку знаков, отмеченных индивидуальным горизонтом интерпретации. Такой знак характеризуется весьма относительной связью означаемого и означающего, где зазор между ними дает свободу множества личностных интерпретант.

Будем исходить из того, что создатели карикатуры пророка Мухаммеда не преследуют цели вызвать негодование верующих, но стремятся предложить новый взгляд на объект, создать внутри содержания опыта интерпретации объекта отличные связи и функции. Слова главного редактора журнала подтверждают данную посылку: «We aim to provoke laughter or thinking with drawing» (цит. по Kowsar 2016: 8). Возможно предположить, что карикатуристы ставят задачу обучения восприятию, которое не принадлежит субъекту, пытаются соединить чувственное и интеллектуальное созерцание в духе работы Жюль Делеза «Кино». Нельзя также отрицать воздействие общеевропейской традиции карнавализации, которая низводит великое и сакральное, пронизано профанацией и развенчанием сакральных фигур (Бахтин 2015). Но утверждая, что резкая отрицательная оценка такого поведения со стороны

верующих, расценивающая карикатуры как намеренное разжигание межкультурных конфликтов и оскорбление чувств верующих, может быть объяснена религиозной ограниченностью, мы не способны подойти к серьезному анализу проблемы. По нашему мнению, рассмотрение религиозной карикатуры Шарли Эбдо требует в первую очередь определить когницию мира, фундаментально определяемую состоянием знака, которым оперирует субъект.

Карикатура и остраннение

Карикатура представляет собой сложный образ. Его сложность обусловлена законами остраннения: пародийное, сатирическое изображение представляет собой измененную форму исходного образа, в которой сигнальные аспекты, необходимые для идентификации этого объекта, сохранены, но изменены взаимоотношения ключевых опор когнитивной карты его восприятия. Смысловое движение в карикатуре может быть описано когнитивными терминами "визуальная метафора" (Forceville 1996) и "концептуальный бленд" (Fauconnier, Turner 2002) и попытка анализа карикатуры при помощи данных категорий предпринята в статье Issa 2016. Но на наш взгляд термин "остраннение", понимаемый в наши дни вне узких традиций литературоведения как когнитивная операция (см., например в докторском исследовании М. Л. Новиковой "остраннение есть концептуальная операция творческого мышления", Новикова 2006: 11), позволяет охватить все особенности рождения нового смысла и описать механизм их возникновения. В религиозной карикатуре творческое мышление художника сталкивается с творческим мышлением субъекта веры. Происходит столкновение образов – образа репрессивного в своей догме и в своей авторской поэтике. Первый исключает другую интерпретацию в силу законов взаимодействия с другими знаками, препятствующими свободному синтаксису, второй – в силу петли интерпретанты, навязывающей свой синтаксис.

Исходный образ прока Мухаммеда сформирован преимущественно во внутреннем времени Эго мусульманина и носит директивный характер. В классической традиции визуальное изображение пророка Мухаммеда запрещено, его образ осмысляется метафорически (например, в виде наикрасивейшего цветка на дереве пророков), получает каллиграфическое воплощение – в виде знака имени (что еще раз доказывает слияние означаемого и означающего в сознании верующего, имя предстает как знак-икона) и описательное – создание образа в словах. Не распространены, но существуют (преимущественно у шиитов) визуальные изображения пророка в традиционной арабской одежде с Кораном в руке.

Карикатура не только нарушает запрет на изображение пророка, но и помещает знак в европейский журнал, т.е. в семиотическое окружение латинских букв и чужеродных образов. Более того, остраннение достигает крайних пределов с помощью введения в контекст интерпретации фигур, враждебных в своей прагматике. Так, например, обратимся к карикатуре, на которой ортодоксальный иудей везет пророка Мухаммеда в инвалидной коляске. Направление интерпретации задается подписью «Неприкасаемые-2». Остановимся на некоторых особенностях остраннения: самая общая рамка остраннения – это сюжет французского фильма комедии «1+1 или Неприкасаемые», в котором парализованный аристократ нанимает чернокожего парня, недавно вышедшего из тюрьмы, в сиделки. Остраннение осуществляется как игровая интерпретация, при которой центральные фигуры фильма заменяются образами иудея и пророка. Узнаваемость игрового контекста обеспечена черной одеждой иудея (аллюзия к черной коже главного героя), инвалидной коляской как основным маркером другого главного героя и прямым указанием на название фильма «Неприкасаемые». Второй слой остраннения связан уже с более глубокими парадигмами смысла: и евреи и мусульмане остро относятся к любому внешнему комментированию своей политики, своих действий и своей веры. Совмещение этих абсолютных антагонистов на горизонте интерпретации «неприкасаемые» рождает интерпретанты комичности подобных притязаний на исключительность.

С точки зрения интерпретатора остраннение образа пророка ведет к разрыву единства означающего и означаемого. Зазор внутри знака позволяет образу существовать самостоятельно, вне силового поля сакральных смыслов и, как следствие, делает образ открытым для любых интерпретаций. Главным направлением новых, возникающих здесь и сейчас эмерджентных смыслов (см. Wilson, Carston 2006) следует признать активизацию карикатурой контекста израильско-палестинского конфликта. Синтаксис образов таков, что положение пророка становится зависимым от иудея, везущего его в коляске, и указывает на его подчинение, неспособность к самостоятельному действию.

Конструирование карикатуры в режиме остраннения, когда некий исходный контекст берется лишь как рамка для присоединения новых семантических объектов, ведется, по-видимому, по принципу когнитивной аналогии (Gentner 2013). Исследуя системные особенности познания, Гентнер постулирует, что именно структурная аналогия позволяет осуществить когницию при смешении разных смысловых доменов. При создании аналогии центральной операцией становится картографирование, или систематичное копирование (перенос) предикатов, способных присоединить разнообразные субъекты и объекты.

Конструирование образа по аналогии, когда происходит копирование остранненной формы, сохраняющее исходную карту отношений и связей, но меняющее аргументы, в целом характерно для политического дискурса. Так, например, показателен следующий пример анализа французского политического плаката с изображением С. Руаяль на афише фильма Л. Уайзмана "Другой мир": "В фильме показана кровопролитная и жестокая война между двумя кланами бессмертных властителей мрака – вампирами и оборотнями. Это вековая вражда стала для вампира-воительницы Селин смыслом существования. С. Руаяль в образе Селин готова к последней схватке ради победы в президентских выборах, а сами выборы ассоциируются (курив мой – У. С.) с беспощадной борьбой в зловещем и безжалостном мире" (Ходус 2012: 10). Термин "ассоциируются", употребляемый автором исследования, указывает на то, что существует внутреннее понимание установления некой связи между когнитивными сценариями "выборы" и "схватка вампиров и оборотней", но оставляет ответ на один важный вопрос открытым. Почему появление в сознании фантазийного вымышленного сценария и образа не противоречит, но, наоборот, наделяет смыслами другие сценарий и образ, связанные с политикой. Причина кроется в установлении структурной аналогии образов участников сценариев, обеспечивающую корреспондентскую связь.

Рассуждая дальше о когнитивных процессах, которые могут проходить внутри сознания верующего, обратимся к более широкому вопросу когнитивной природы религиозных представлений. Когнитивное религиоведение (Cognitive Science of Religion или CSR) рассматривает религиозные представления как естественное формирование когнитивной системы субъекта, что подразумевает их возникновение в результате эволюции человека в качестве инструмента адаптации. Такая позиция постулирует прагматизм религиозного поведения, его эпистемическую доказуемость и интуитивность возникновения, но одновременно ставит серьезную преграду для доказуемости достоверности религиозных представлений (Szocik 2016b). Противоположным подходом к религии является положение о том, что религиозные представления не могут быть врожденным знанием, но приобретаются символическим путем в результате взаимодействия с определенными языковыми практиками. "To look to the cognition entailed in religious cognition is to look to the language used by believers" (Mc Lean 2016: 60).

Но каков бы ни был подход к природе возникновения религиозных верований, на горизонте интенциональности верующего субъекта религиозное знание является истинным, а главным критерием установления истины являются священные тексты, авторитет важных фигур и знание ритуальных практик (Eughen 2016). При любом подходе на первый план выходит прагматика знаков: или как исходное переживание контекста интерпретации, или как утилитарный инструмент воздействия. Остраннение с помощью изменения формы представления объекта нарушает принципы взаимодействия знаков и приводит к смене прагматики. Знак выводится в инструментальную позицию и теряет свою символичность.

Этому процессу существует много именовании – выхолащивание знака, десакрализация, демифологизация, карнавализация, и в его природу стоит несколько углубиться.

Символ и знак

Осуществляя философское обоснование культуры, Кассирер признает, что человеческий мир формируется по биологическим правилам, но есть в нем и совершенно уникальный способ приспособления к окружающей среде – символическая система, целиком преобразующая его жизнь. Человек живет в символическом универсуме, верхними и главными ориентирующими составляющими которого являются символы. Другие знаки присутствуют в виде связующих элементов. Изменение отношения между символом и связками, ставит символ в позицию инструментальную, то есть служебную, совсем не соответствующую его месту в виртуальном мире субъекта.

Символы и знаки необходимо разделять вслед за положением Н. Д. Арутюновой о том, что индивидуальный образ, прорываясь из индивидуального в общее пространство посредством метафоры, или поднимается и становится символом, или опускается до знака (Арутюнова 1999). Знак очень подвижен в своем синтаксисе и выполняет служебную роль. Символ ограничен в своих синтаксических позициях, и навязывание чуждого места в семиосфере с помощью несвойственного ему синтаксиса приводит к опустошению. Безусловно, мы лишь условно используем метафору контейнера, т.к. знак не может стать пустым, но допускаем, что пустота в этом случае иного рода – пустота к образованию множества новых смыслов.

Описывая остраннение, В. Б. Шкловский говорит о том, что "вещь раздваивается и расстраивается своими отражениями и противоположениями" (Шкловский 1925: 61). Как видится, именно умножению сущностей противится субъект веры, не принимая авторскую интерпретацию сакрального образа. Субъект веры интуитивно чувствует, что умножение знака ведет к симуляции.

Наша оценка карикатуры журнала Шарли Эбдо сходна с исследованием, в котором автор пишет об образовании интервала для свободной сатирической инверсии в условиях разрушения связи между означающим и означаемым (Sanadjian 2015). Апеллируя к понятию смерти автора, социолог указывает на то, что освобождение знака от авторства, что в классической теории Барта описывает все многообразие интертекстуальных смыслов, приводит к смерти автора в буквальном смысле. Смерть автора обрела осязаемое измерение: "The independent outcome of a narrative's plot to transform the words and deeds of the Messenger of Allah into those of the author was palpably demonstrated in the violent response by a group of "readers". The use of the naked force was not only intended to silence the narrators but also to rule out even a satirical imaginary separation between Muhammad the Messenger of Allah and Muhammad as a man acting as an author" (Sanadjian 2015: 295). Неприятие остранненной формы образа пророка является отказом подвергнуть разрушению внутреннюю конфигурацию знака и создать потенциал приращения смыслов у символа, находящийся вне творческой свободы человеческого сознания.

В контексте трагедии в редакции журнала Шарли Эбдо во Франции необходимо говорить не только о семиотической смерти авторов карикатуры, чьи манипуляции со знаком приводят к его полному освобождению, но и об исчезновении субъекта высказывания на примере другого знака «Je suis Charlie». С одной стороны, высказывание *Je suis Charlie* характеризуется высокой степенью субъектности в силу его маркированности лично-субъектными показателями первого лица единственного числа. Но одновременно трудно не признать, что, становясь метафорой принадлежности к группе людей, разделяющих общие ценности, знак подвергается процессам обезличивания. Центральной прагматикой знака *Je suis Charlie* является интенция выразить солидарность ("to foster or re-think the notion of community as a space(s) of hope and solidarity", Kiwan 2016) и защитить свободу слова и творчества. Однако есть свидетельства тому, что знак "Je suis Charlie" преобразуется в инструмент дискурса власти, которая использует его в своих интересах. Власть прибегает к

подобным знакам для компактной "упаковки" интенционального состояния, связанного с неким событием, и использует их как конструкты, фиксирующие необходимые горизонты интерпретации: "the handily tweetable slogans and logos that emerge now from "terrorist" crimes and which, in some ways, like the state narrative, attempt to fix memory, to *package* (выделено мною – У.С.) it for public use" (Hollis-Toure 2016: 301). Намеренное связывание с знаком определенного интенционального переживания является прямым указанием на создание технологичных дубликатов реальности в фукольдланском смысле этого термина.

Выводы

Положение М. Фуко о том, что конфигурация знака определяет когницию, способно высветить в конфликтности создания религиозной карикатуры новые обстоятельства. Для субъекта, исповедующего религиозные убеждения, знак является единством означающего и означаемого, слово является материальным воплощением вещи, слово и вещь неразрывны и нераздельны. Для создателя карикатуры связь означающего и означаемого весьма условна, опосредована его интенцией продемонстрировать личное переживание мира. Здесь знак предстает как конструкт, аналитический разбор которого может показать, как говорящий увидел мир здесь и сейчас. В силу принадлежности к интеллектуальной элите и наследия карнавальной традиции создатели карикатуры стремятся не столько реализовать свое право на свободу слова, сколько создать новый тип наблюдения. Новое появляется через переосмысление формы представления объекта с помощью операции остраннения. Но любые манипуляции с религиозным образом приводят к появлению зазора между означающим и означаемым, который открывает потенциал для индивидуального мнения и суждения. Однако этот же путь ведет к разрушению символа и низведению его в инструментальную позицию.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. 1999. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры.
2. Бахтин М.М. 2015. Проблемы поэтики Достоевского. СПб: Азбука.
3. Кассирер Э. 2011. Философия символических форм. М.: Академический проект.
4. Новикова М. Л. 2006. Остраннение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста на материале произведений русских писателей: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. М.
5. Фуко М. 1977. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М.: Прогресс.
6. Ходус Е. Ю. 2012. Вербальные и невербальные средства выражения экспрессивности в тексте французского политического плаката: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Воронеж.
7. Шкловский В. Б. 1983. О теории прозы. М.: Советский писатель.
8. Eco U. 1990. Interpretation and overinterpretation. The Tanner Lectures on Human Values. Delivered at Clare Hall, Cambridge University March 7 and 8.
9. Eyghen H. Van. 2016. Religious belief is not natural. Why Cognitive Science of Religion does not show that religious belief is trustworthy. *Studia Humana*. Vol. 5: 4, 34-44.
10. Fauconnier G., Turner M. 2002. The Way We Think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. Basic Books: A Member of the Perseus Books Group.
11. Forceville Ch. 1996. Pictorial metaphor in advertising. London: Routledge.
12. Gentner, D., & Smith, L. A. 2013. Analogical learning and reasoning. In D. Reisberg (Ed.), *The Oxford handbook of Cognitive Psychology* (pp. 668-681). New York, NY: Oxford University Press.
13. Hollis-Toure I. 2016. The multidirectional memory of Charlie Hebdo. *French Cultural Studies*. Vol. 27 (3), 293-302.
14. Issa S. 2016. Picturing the Charlie Hebdo incident in Arabic political cartoons. *Arab Studies Quarterly*. Vol. 38 (3), 562-585.

15. *Kiwan N. 2016.* Freedom of thought in the aftermath of the Charlie Hebdo attack. *French Cultural Studies.* Vol. 27 (3), 233-244.
16. *Kowsar N. 2016.* The impact of a Post-Charlie Hebdo World on Cartoonists. *Social Research.* Vol. 83 (1), 7-19.
17. *McLean et al. 2016.* Psychologists finding religious belief: building bridges between developmental cognitive science and cultural psychology. *Culture and Psychology.* Vol. 22 (1), 44-64.
18. *Sanadjian M. 2015.* Icons vs satirical inversions: Islamic rule and the “death of the author” – the murder of the Charlie Hebdo cartoonists in Paris. *Social Identities.* Vol. 21 (3), 294-301.
19. *Szocik K. 2016a.* Wars and conflicts are only randomly connected with religious beliefs. An outline of historical, cognitive, and evolutionary approach. *Studia Humana.* Vol. 5: 4, 37-46.
20. *Szocik K. 2016b.* Reliability and adaptability of religious beliefs in the light of Cognitive Science of Religion. *Studia Humana.* Vol. 5: 4, 64-73.
21. *Toor S. 2016.* Art as/and Politics: Why the attack on Charlie Hebdo was not about a “Fear of Art”. *Social Research.* Vol. 83(1), 21-31.
22. *Wilson D., Carston R. 2006.* Metaphor, relevance and the 'emergent property' issue. *Mind and Language.* Vol. 21(3), 404-433.

Информация об авторе

- Смирнова Ульяна Викторовна
- соискатель ученой степени доктора наук, МГЛУ, Москва
- yanasmirnova@hotmail.com